

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА
EGY CSALÁDREGÉNY VÉGE (КОНЕЦ СЕМЕЙНОГО РОМАНА)
С ВЕНГЕРСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Мартина Каталин Сабо

(Szabó Martina Katalin, szabomartinakatalin@gmail.com)

1. Предмет и цель работы

Лауреат премии Франца Кафки Петер Надаш (Nádas Péter) считается одной из выдающихся фигур европейской культуры (Дубин 2004: 5).

Роман *Egy családregény vége* (Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1981), собственно говоря, первый синтез этого автора. Язык романа характеризует эпическая многослойность (Lóginz 1984: 11), что делает палитру автора чрезвычайно богатой, в числе прочего и благодаря тому, что роман насыщен многочисленными диалектными и жаргонными выражениями, а также обогащен реалиями. Это сочетание образует ткань богато структурированного, полихромного, предлагающего многочисленные толкования романа. Не случайно, что уже в конце XX века этот роман стал наиболее переводимым на иностранные языки произведением современной венгерской литературы (Ballassa 1997: 16).

Первый, и в данный момент единственный перевод романа на русский язык, *Конец семейного романа*, был выполнен Еленой Малыхиной и вышел в свет в 2004 году (Москва: Три квадрата). В настоящей работе исследуется, какими средствами переводчик стремился передать в языке перевода столь широкий авторский диапазон. Мы старались определить, в какой степени переводчик был верен тексту оригинала, или наоборот, отступал от него, были ли отступления обоснованы, встречается ли в русском тексте неточный или неправильный перевод, а также имеются ли в тексте переводческие решения, которые могут затруднять понимание. Наряду с этим мы проверили, имеются ли в романе места, где необходимо было бы изменить или снабдить объяснениями текст источника, однако переводчик этого не сделал. Особое внимание мы обращали на перевод реалий, а также на проблему возможностей переводческой компенсации.

2. Исследование художественного перевода романа в свете теории перевода

Наука о переводе как лингвистическая дисциплина возникла как ответ на вопрос о том, что является задачей перевода и что можно считать хорошим переводом (Klaudy 2007: 19). Ранние работы по теории перевода

характеризовались стремлением к «безупречности» текста перевода (Левицкая–Фитерман 1963: 21). В связи с этим многие русские авторы, среди них Федоров и Рецкер, стремились систематизировать соответствия слов и конструкций исходного языка и языка перевода (Klaudy 1997: 48). Только позднее стало ясно, что выявление и систематизация характерных для отдельных языков грамматических трансформаций недостаточны для перевода, «так как переводятся не языки, а тексты» (Albert 1983: 146). Особенно это относится к переводу художественных произведений, где желательное достижение стилистической эквивалентности на текстовом уровне (Ajtay-Horváth-Vincze 2005: 11; Konczosné Szombathelyi 2005: 65). Между тем при передаче текстов, содержащих реалии как характерные для данной культурной среды «культурно специфические» элементы (Koller 1992: 232; Tellingner 2003: 58), достижение эквивалентности на стилистическом уровне может составлять для переводчика большую трудность, чем задача сохранения содержательной эквивалентности.

2.1. Достоинства перевода

Перевод Малыхиной в большой степени стремится сохранить элементы оригинального текста, и это также относится к переводу реалий, например, в большинстве случаев в нем сохранены венгерские исторические реалии и топонимы. Во многих случаях переводчик действует весьма аккуратно, в числе прочего и при передаче слов *zsalugáter* и *poroszló*.

Немного народное слово *zsalugáter*, которое два раза встречается в романе (128, 193), Малыхина переводит словом *ставня* (98, 149), которому в словаре Хадровича и Гальди (O–M: 1607) соответствует слово *spalletta*, а в словаре Гальди и Узони (G–U: O–M, 611) наряду со *spalletta* дается и *zsalu* (т.е. *zsalugáter*). В венгерском языке слова *spalletta* и *zsalugáter*, хотя и близки, не совпадают по значению.¹ Гальди и Узони (G–U: M–O, 945) дают в качестве эквивалента данной лексемы в русском языке слово *жалюзи*, которое фонетически ближе к венгерскому. Несмотря на это, следует считать более соответствующим оригиналу перевод венгерского *zsalugáter* как *ставня*: в

¹ *Zsalugáter* (несколько народное, устар.): устанавливаемая снаружи на окна или двери и сходная по форме с окном или дверью конструкция, состоящая из тонких пластин, планок, которые в опущенном состоянии накрывают друг друга, а в поднятом находятся параллельно друг другу (ср. ÉrtSz.: VII, 627); *spalletta*: устанавливаемая изнутри на окно и также как створки окна поворачивающаяся на петлях пластина обычно из наложенных друг на друга досок, предназначенная для покрытия окна и затемнения (ср. ÉrtSz.: V, 1260).

соответствии с толковым словарем русского языка значение слова *zsalugáter* гораздо ближе к слову *ставня*,² чем *жалюзи*.³

При переводе названия занятия *poroszló* (197) также выбрано правильное решение с точки зрения стилистики: данное слово попало в венгерских язык через южнославянские (< *pristav*), значение: ‘привратник, гайдук’ (ср. *ÉrtSz.*: V, 804). Хотя слово *прустав* и сейчас существует в русском языке, переводчик использовал в исследуемом тексте слово *гайдук* (153), соответствующее применявшемуся в первую очередь в Венгрии и на Балканах *hajdú* (G–U: O–M, 79).

Наряду с приведенными выше примерами о внимательности и находчивости переводчика свидетельствует также перевод Малыхиной нескольких названий блюд, которые можно считать культурно специфическими, среди прочих, например, перевод слова *kalács* (128). Хотя в языке перевода имеется фонетически почти идентичная лексема *калач*, она не может считаться соответствием венгерскому слову *kalács*,⁴ несмотря на то, что словарь Хадровича и Гальди (O–M: 547) дает эти два слова как эквивалентные.⁵ *Калач* означает пшеничную булку (СРЯ: II, 20), т.е. здесь можно говорить о межъязыковом лексическом омониме. Поэтому переводчик *Конец семейного романа* передает слово *kalács* лексемой *сдоба* (99).

Все без исключения сказочные начала романа передаются Малыхиной достаточно эквивалентно как с семантической, так и со стилистической точки зрения, эти словосочетания также заслуживают внимания с точки зрения переводческой компенсации.⁶ Наиболее интересным, пожалуй, является решение перевода следующего отрывка:

² *Ставня*: дощатая или металлическая створка для прикрытия окна (СРЯ: IV, 244).

³ *Жалюзи* (нескл., ср.): солнцезащитные воздухопроницаемые ставни из узких, укрепленных наклонно, неподвижных пластинок (или поворачивающихся, расположенных параллельно друг к другу), а также шторы из узких пластинок, связанных между собой (франц. *jalousie*) (СРЯ: I, 471).

⁴ *Kalács*: 1. Сходная по приготовлению с хлебом (но обычно заплетенная и смазанная белком яйца), приготовляемая из тонкой муки с молоком, часто с маслом, яйцами и сахаром выпекаемая на противне выпечка; 2. (нар.) приготовляемая из теста, приправленная или с начинкой (обычно цилиндрической формы) выпечка (ср. *ÉrtSz.*: III, 707).

⁵ Словарь Гальди и Узони (G–U: M–O, 404) уже дает в качестве эквивалента слова *kalács* выражение *сдобная булка*.

⁶ В процессе перевода оригинальный текст несет неизбежные потери, когда переводчик вынужден довольствоваться менее интересными, менее идиоматическими решениями в тексте перевода (Konczosné Szombathelyi 2005: 64). Эти потери по возможности переводчик может компенсировать эффектными, идиоматическими

- (1) *Hol volt, hol nem volt, túl az Óperencián, volt egyszer két csizma. Egyik csizma párja volt a másiknak* [выделено – М.К.С.]. (18) Дословный перевод: *Было то или не было, за морем-окном однажды жили два сапога. Один сапог был парой другого.* → *Было то или не было, за морями за лесами жили-были сапоги. Два сапога – пара.* (16)

В данном случае переводчик применяет весьма остроумное решение: венгерское предложение переводится фразеологизмом⁷ *Два сапога – пара*, который дословно передает значение исходного текста, однако, как фразеологизм имеет также переносное значение ‘один не лучше другого’⁸ (Молотков 1978: 407). Так как этот фразеологизм появляется в сказочном повествовании, он прекрасно сочетается с продолжением истории. Можно констатировать, что Малынина обогатила текст ценным элементом, не исказив при этом значение оригинала.

Роман Надаша богат рифмованными, ритмическими отрывками, аллитерацией, игрой слов и пословицами. При передаче таких мест переводчик также находит остроумные решения. В одном месте в романе встречается игра слов, основанная на постепенном фонетическом искажении:

- (2) *Széder este kivirágzott szederfa! Szeder este kivirágzott széderfa! Szédervirág estezette faszeder! Szederki faeste széderzott! Estekiszéder fazottszeder! Der est ekiszé der szefazott!* (106)

Игра слов основана на почти полном совпадении в венгерском языке слов *széder* ‘канун еврейской пасхи’ и *szeder* ‘шелковица’. Малынина не переводит эти лексемы, а дает их кириллическую транслитерацию, что ведет к полной формальной идентичности двух указанных слов. Для понимания текста русскоязычным читателем дается сноска с объяснением:

- (3) *Дерево-седер расцвело в седер! * Шелкоседер вица, расцве деревица. Седерица дешел, ковица деп! Der sedras evo zwela der sered!* (82) *Игра слов: *seder* – канун еврейской пасхи; *szederfa* (венг.) – шелковица.

формами в других местах текста (Левичкая–Фитерман 1976: 202; Klaudy 1997: 286; Forgács 2004: 210).

⁷ Фразеологизмами я считаю словосочетания, отвечающие критериям постоянства, интегрированного значения, репродуктивности и полилексичности (Forgács 2007: 18–49).

⁸ Это же значение в венгерском передается выражениями *Két bolond egy pár, a Zsák meg a foltja, Egyik tizenkilenc, a másik egy híján húsz, Kezet foghatnak и Egy húron pendülnek* (Keszthelyi 1961; T. Litovkina 2005).

Как видим, последнее предложение дано латиницей, что позволяет с помощью немецкого артикля *der*, как и в венгерском, плавно перейти к последующему немецкому тексту.

Звукоподражания и ономотопея всегда являются проблемой для перевода, редко бывает, что звукоподражательным или ономотопейным лексемам языка источника в языке перевода соответствуют сходные элементы. Хотя в переводе Малыхиной эти элементы нередко передаются стилистически нейтральными выражениями общего значения, во многих случаях она находит интересные решения. В примерах ниже можно видеть, как звукоподражательные или ономотопейные слова передаются с сохранением или даже усилением их стилистического воздействия:

- (4) *minden ütemre tudott egy jó nagyot durrantani* [выделено – М.К.С.] (196) → *при этом в такт умудрялась издавать эдакое громкое пафф* (152)
- (5) *És a mosdóban csapkod a hal, úszna, de nincs elég hely neki. Csuppogás* [выделено – М.К.С.], (126) → *А в умывальнике мечется из стороны в сторону рыба, она бы плавала, но ей мало места. Хлюп-хлюп.* (97)
- (6) *A szája, a szép, úgy tátogott, mint ennek itt* [выделение – М.К.С.], (86) → *Ее красивый рот, то и дело открывался, точь-в-точь так, как и у всякой другой рыбы.* (66)

2.2. Менее обоснованные переводческие решения

Ниже речь пойдет о переводческих решениях, которые по нашему мнению немотивированно изменяют значение исходного текста, поэтому не могут считаться обоснованными.

Слово *község* означает управляемую выборным органом самоуправления самую мелкую административную единицу (ÉKsz.: 766). В русском языке этому значению соответствует лексема *село*, поэтому нельзя считать обоснованным употребление слова *деревня*, соответствующего в венгерском слову *falu*.

Также неточно передается слово *pianínó*. Лексема *pianínó* встречается в романе два раза (135, 135). Данный в русском тексте, несмотря на наличие в русском сходного по звучанию слова, перевод *фортепьяно* или *фортепиано*⁹ соответствует венгерскому *zongora*, а не *pianínó* (О–М: 1798; G–U: О–М, 691). Точным переводом слова *pianínó* было бы *пианино* (М–О: 615; G–U: М–О, 706).

⁹ Хотя написание этих двух слов немного отличается, это варианты написания одного и того же слова.

В связи с приведенными примерами следует заметить, что здесь неточность перевода не ведет к заметному по сравнению с текстом оригинала семантическому искажению, чего нельзя сказать о примере, который мы приведем ниже. Для понимания отрывка необходимо знать, что в романе бабушка главного героя Петера Шаламона покупает рыбу, которую чистит дедушка. В процессе «вскрытия» рыбы он замечает, что рыбы живут очень долго, в подтверждение этого факта упомянув «друга» дяди Фридеша, столетнего карпа из Шарлоттенбурга, который сообщает в письме о своем самочувствии:

- (7) *Van egy százötven éves ponty, Charlottenburgban él, és Frigyes bácsinak azt írta az idén, hogy még mindig jól tartja magát. Majd kérdezd meg tőle, ha jön, hogy mit írt a barátja! Talán megéri a kétszázat is könnyedén.* (175–176) → *Один карп в Шарлоттенбурге живет уже сто пятьдесят лет, и дядя Фридеш в этом году получил оттуда письмо, ему пишут, что карп чувствует себя прекрасно. Когда дядя Фридеш придет, сам спроси у него, что написал ему его друг! Может, карп этот запросто доживет и до двухсот лет!* (136)

В тексте источника дядя Фридеш получает письмо от самого карпа (т.е. карп и есть друг дяди Фридеша). Однако в переводе отрывок приобретает совершенно другое значение: дядя Фридеш получает письмо от друга (не от карпа), который сообщает ему, что карп чувствует себя отлично. Такое значительное отступление от текста оригинала кажется необоснованным, более того, оно наносит вред: сказочный отрывок является юмористическим, игровым элементом оригинального текста, потеря которого снизит ценность перевода.

Так же, как в предыдущем примере, ценность перевода теряется в связи с передачей следующего отрывка:

- (8) *esze az ösztön ütemére így fohászkodott: fiú legyen! legyen fiú! magom légy fiam! add Istenem!* (155) → *мозг его в ритме инстинкта молил: пусть будет сын! пусть будет сын! да породит сына семья моя!* (120)

В данном случае переводчик объединяет третье и четвертое восклицания в одно предложение. Таким образом непосредственное обращение к Богу выпадает из текста перевода. Нам кажется, что это можно считать недостатком при передаче смысла данного отрывка: Надаш рисует здесь гротескную фигуру мужчины, который даже во время полового акта отчаянно обращается к Богу с мольбой о поле своего потомства. Без пропущенной детали экспрессивная сила молитвы в переводе снижается.

Сходный результат дает перевод Малыхиной следующего отрывка, где автор пытается передать на письме особенности живой речи с помощью прерываний и остановок:

- (9) *meglátod, milyen szép, ami alatta; ezért; nehéz* (177) → *ты увидишь, какая красота под ними; потому и трудно с этими жесткими пластинками справиться* (137)

С помощью своеобразной формы Надаш прекрасно передает мучения деда при чистке рыбы, однако текст перевода настолько далеко отступает от источника, что экспрессия венгерского текста в русском переводе полностью теряется.

2.3. Недостатки перевода

Наряду с неточностями передачи текста источника, мы не раз сталкиваемся с недостатками перевода, которые по нашему мнению заключаются в отсутствии необходимых сносков с объяснениями переводчика. В большинстве случаев это связано с передачей венгерских исторических реалий. Например, переводчик не дает пояснений на имя Лайоша Кошута при первом упоминании его имени в тексте (объяснение дается только при втором упоминании):

- (10) *Itt lakik Simon Ábrahám, a csodarabbi, akit az ifjú Kossuth Lajos is felkeres* [выделено – М.К.С.]. (171) → *Здесь живет Абраам Шимон, чудо-раввин, которого в молодые годы посещает даже Лайош Кошут.* (133)

Так как упоминание имени Кошута в романе подчеркивает значение и исключительность личности раввина, а в контексте не имеется никакой информации об исторической личности Кошута, отсутствие пояснений приводит к отсутствию этой информации в тексте перевода. Также требуют пояснений переводчика и следующие отрывки, так как контекст не дает русскому читателю достаточной информации о значении упоминаемых в тексте исторических фигур:

- (11) *Egy szép napfényes vasárnapon megérkezett Budára Mátyás király. Oldalán ifjú hitvесе, a Beatrix nevű* [выделено – М.К.С.]. (167) → *В один прекрасный солнечный день прибыл в Буду король Матяш. Рядом с ним молодая жена по имени Беатрикс.* (129)
- (12) *Rákosi és Gerő elvtársak* (187) → *товарищи Ракоши и Герё* (145)

2.4. Проблема утери стилистической ценности

Проведя тщательное сравнение текста источника и текста перевода можно прийти к выводу, что наибольшие трудности для переводчика представляла передача региональных и местных особенностей разговорного языка, а также архаичного словоупотребления. Чаще всего стилистические потери связаны именно с этим, так как в большинстве случаев стилистическая ценность тех выражений в языке перевода не воспроизводится. Можно привести примеры того, как диалектные формы или местный говор источника передаются формами нормативного языка. Может быть следовало бы попытаться передать эти обороты с помощью русских диалектных элементов. Например:

- (13) *Apád tudományát ösmerem, forrón tisztetem* [выделено – М.К.С.]. (147) → Мне известна ученость твоего отца, я глубоко его почитаю. (113)
- (14) *A fülemben úgy nől a szőr, ez igaz, mint sekély vízben a sás* [выделено – М.К.С.] (89) → Уши мои заросли волосами, как мелководье тростником, это так (69)

Потеря стилистической ценности при переносе архаичных форм проявляется при переводе названий предметов одежды, что также связано с проблемой выбора слова и стилистикой. Редко лексемы языка источника передаются сходными по стилистической экспрессивности выражениями, как например, перевод слова *gúnya* (48) словом *тряпе* (39). В большинстве случаев архаичные венгерские выражения Малыхина передает стилистически нейтральными, широко употребительными словами. Так происходит, например, при переводе встречающегося в венгерском литературном языке устаревшего слова *föveg*¹⁰ (11): *шапка* (10); также несет стилистические потери перевод слова *kalpag*¹¹ (168), где Малыхина применяет описательный перевод: *меховая шапка* (130).

Наиболее удачным, пожалуй, при передаче местных и жаргонных элементов можно считать передачу сленга. Для примера возьмем следующий отрывок, для понимания которого следует знать, что дети в романе играют в ролевые игры, где «родители» рассказывают сказки «детям». Вот отрывок такого рассказа:

¹⁰ *Föveg* (устар., лит.): Обычно мужской головной убор (ср. *ÉrtSz.*: II, 932).

¹¹ *Kalpag* (устар.): меховой головной убор без полей, иногда со свисающим на сторону верхом, обычно украшенный пером или букетом (ср. *ÉrtSz.*: III, 716).

- (15) „Egyszer egy nő, akit Kleopátrának hívtak, nagy melegben feküdt a szobájában. *Megverjelek? Feküdt a szobájában az ágyán. [...] Mit akarsz kígyó? – kérdezi tőle a Kleopátra nevű nő. Jöttem, hogy szolgálatodra legyenek – sziszegi a kígyó. Szép tőled – mondja a spiné –, de nekem már van szolgám, száz is! Olyan szolgát aztán nem találsz, amilyen én vagyok! Miért, mit tudsz te kígyó? – kérdezi a spinó.*” „Ne így mondd, hanem rendesen, a nevén!” „Kuss! Szóval a csaj azt kérdezi, mit tudhat a kígyó, amit az ő szolgálái nem tudnak” [выделено – М.К.С.]. (20) → «Как-то раз женщина по имени Клеопатра лежала у себя в комнате, стояла страшная жара. **Что ты ерзаешь, может, отиленать тебя?** Она лежала в своей спальне на кровати. [...] **Что тебе нужно, змея?** – спрашивает Клеопатра. Я пришла послужить тебе, – прошипела змея. – Спасибо тебе, – ответила ей эта баба – только есть у меня слуга, да не один, а целая сотня! Но все же такого слуги, как я, тебе не найти! Это почему же? **Что ты умеешь такого особенного, змея?** – спрашивает бабушка.» «Не хочу я, чтобы ты ее так называл! Называй, как полагается, по имени.» «А ну, помалкивай! Словом, **девчонка** спросила змею, что она умеет такое, чего не умели бы ее слуги.» (17–18)

Слово из венгерского сленга *spiné* переводчик передает стилистически фамильярной лексемой *баба* (17). Также слово *csaj* передается фамильярным пейоративным *девчонка* (18). Слово *бабушка* (18) идеально передает венгерское слово *spinó*, т.е. искаженную форму слова *spiné*. Заслуживает внимания также перевод однословного вопроса-угрозы:

- (16) *Megverjelek?* → **Что ты ерзаешь, может, отиленать тебя?** (17)

В данном случае переводчик раскрывает значение инкорпорированного венгерского личного местоимения ‘тебя’. Это требуется из-за синтетического характера венгерского языка, в то время как для русского характерны скорее аналитические формы выражения (Klaudy 1997: 385–386).

3. Итоги и выводы

В ходе исследования было установлено следующее: Контрастивное сравнение текста источника и перевода выявило многочисленные примеры того, что переводчик добросовестно пытался выполнять перевод с соблюдением полной эквивалентности. Переводчик в полной мере стремился к сохранению исходного текста: с одной стороны, учитывая культурную роль реалий, Мальхина в большинстве случаев сохраняет их в переводе, что мы видели на примерах передачи венгерских исторических реалий; с другой сто-

роны, мы обнаружили лишь несколько случаев пропуска в переводе текста источника, в большинстве же случаев она стремилась передать в русском тексте даже самые сложные с точки зрения перевода выражения. Связанные с этим трудности понимания переводчик старался устранить с помощью сносок с объяснениями. При этом во многих случаях, например, при переводе названий блюд, сказочных оборотов, а также звукоподражаний и ономастопеи переводчик находит весьма остроумные решения.

Следует упомянуть также, что несмотря на все усилия переводчика, в некоторых случаях текст перевода несет различные потери, особенно при передаче диалектных форм и местного говора, а также архаичных отрывков; стилистическая ценность этих элементов не воспроизводится в переводе. При этом текст перевода содержит решения, которые не кажутся нам достаточно обоснованными и правильными. Кроме того, в нескольких случаях отсутствуют необходимые в случае данного исходного текста объяснения переводчика, или данные объяснения недостаточно информативны для того, чтобы русский читатель мог интерпретировать текст перевода в соответствии с текстом источника.

Однако, следует учитывать тот факт, что переводчик часто применяет для компенсации потерь при переводе весьма остроумные решения, которые позволяют в большинстве случаев сохранить равновесие между исходным текстом и текстом перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Дубин, Б. 2004, *У дверей времени*. В кн.: Надаш, П., *Конец семейного романа*. Перевод: Е. Мальхина. Москва: Три квадрата, 3–6.
- Левицкая, Т.Р. – Фитерман, А.М. 1963, *Теория и практика перевода с английского на русский*. Москва: Издательство литературы на иностранных языках.
- Левицкая, Т.Р. – Фитерман, А.М. 1976, *Проблемы перевода: На материале современного английского языка*. Москва: Международные отношения.
- Молотков, А.И. 1978, *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: Русский язык.
- СРЯ – Евгеньева, А.П. (ред.), *Словарь русского языка I–IV*. Москва: Русский язык, 1981–1984, 2-е изд., испр. и доп.
- Ajtay-Horváth, Magda – Vincze, Katalin 2005, A fordítás fordítása [Перевод перевода]. В кн.: Dobos, Csilla – Kiss, Ádám (ред.), „Mindent fordítunk és mindenki fordít”: *Értékek teremtése és közvetítése a nyelvészetben*. Bicske: Szak Kiadó, 11–16.
- Albert, Sándor 1983, A fordítás elmélete és gyakorlata Európában a 70-es évek végén – 80-as évek elején [Теория и практика перевода в Европе в конце 70-х – на-

- чале 80-х годов]. В кн.: Róna-Tas, András (ред.), *Szegedi Bölcsészmuhely '82*. Szeged: JATE Kiadó, 143–158.
- Balassa, Péter 1997, *Nádas Péter* [Петер Надаш]. Pozsony: Kalligram Könyvkiadó.
- ÉKsz. – Pusztai, Ferenc (гл. ред.), *Magyar értelmező kéziszótár* [Венгерский толковый словарь]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2003, 2-е изд., перераб.
- ÉrtSz. – Bárczi, Géza – Ország, László (гл. ред.), *A magyar nyelv értelmező szótára I–VII* [Толковый словарь венгерского языка I–VII]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959–1962.
- Forgács, Erzsébet 2004, *Gömböc, hamuban sült pogácsa, kutyanyelven takarékpersely, vörös nyakkendő és eszemká...* Avagy: реалиák és fordításuk Garaczi László lemúriáiban [Фрикаделька, пышки (погачи), запеченные в золе, копилка с собачьим языком, красный галстук и родительский комитет... Или: реалии и их перевод в лемуриях Ласло Гараца]. В кн.: Bernáth, Árpád – Bombitz, Attila (ред.), *Miért olvassák a németek a magyarokat? Befogadás és műfordítás*. Szeged: Grimm Kiadó, 190–222.
- Forgács, Tamás 2007, *Bevezetés a frazeológiába: A szólás- és közmondáskutatás alapjai* [Введение в фразеологию: Основы исследования пословиц и поговорок]. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- G–U: M–O – Gáldi, László – Uzonyi Pál (гл. ред.), *Magyar–orosz szótár. Венгерско-русский словарь*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000.
- G–U: O–M – Gáldi, László – Uzonyi, Pál (гл. ред.), *Orosz–magyar szótár. Русско-венгерский словарь*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000.
- Keszthelyi, Ernő (ред.) 1961, *Russzicizmusok: 5000 orosz szólás és kifejezés* [Русцизмы: 5000 русских поговорок и выражений]. Budapest: Terra Kiadó.
- Klaudy, Kinga 1997, *A fordítás elmélete és gyakorlata* [Теория и практика перевода]. Budapest: Scholastica Kiadó.
- Klaudy, Kinga 2007, *Magyar fordítástudomány a 19. században: Brassai Sámuel nézetei a fordításról* [Венгерская наука о переводе в XIX веке: Взгляды Шамуэля Брашшаи на перевод]. В кн.: Klaudy, Kinga, *Nyelv és fordítás: Válogatott fordítástudományi tanulmányok*. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 19–26.
- Koller, Werner 1992, *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Heidelberg: Quelle und Meyer.
- Konczosné Szombathelyi, Márta 2005, *Fordítástudományi vita a magyar nyelvújítás előterében: A Rájniss–Révai kontra Baróti–Batsányi vita* [Дискуссия о переводе в предверии обновления языка: Спор Райниша–Реваи против Бароти–Батшани]. В кн.: Dobos, Csilla – Kiss, Ádám (ред.), „*Mindent fordítunk és mindenki fordít*”: *Értékek teremtése és közvetítése a nyelvészetben*. Bicske: Szak Kiadó, 61–66.
- Lőrincz, Judit 1984, *A megközelítés fokozatai: Nádas Péter családregényének hatásvizsgálata* [Степени приближения: Исследование воздействия семейного романа Петера Надаша]. Budapest: Művelődéskutató Intézet.
- M–O – Gáldi, László (гл. ред.), *Magyar–orosz szótár* [Венгерско-русский словарь]. Budapest: Akadémiai kiadó, 1976.
- O–M – Hadrovics, László – Gáldi, László (сост.), *Orosz–magyar szótár. Русско-венгерский словарь*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959, 2-е изд., перераб. и доп.

- T. Litovkina, Anna (ред.) 2005, *Magyar közmondástár: Közmondások értelmező szótára példákkal szemlélítve* [Венгерские пословицы: Толковый словарь пословиц с примерами]. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- Tellingner, Dusan 2003, A reáliák fordítása a fordító kulturális kompetenciája szemszögéből [Перевод реалий с точки зрения культурной компетенции переводчика]. *Fordítástudomány* 5, № 2, 58–70.

Перевод с венгерского А. Заварзина